

Лариса Рубальская

**СКАЖИ МНЕ
НЕЖНЫЕ СЛОВА**

**Издательство АСТ
Москва**

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Р82

Рубальская, Лариса Алексеевна.

Р82 Скажи мне нежные слова / Л.А. Рубальская. – Москва: АСТ, 2016. – 320 с. – (Стихи и песни).
ISBN 978-5-17-094295-4

Имя Ларисы Рубальской знает в нашей стране практически каждый. И уж точно каждый знает хотя бы одну песню на ее стихи – так они популярны и любимы. Обычно в интервью Лариса Алексеевна отказывается рассказывать, как создаются песни. Специально для этой книги она согласилась отступить от своего правила. Читайте, узнавайте, пойте!

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-17-094295-4 © ООО «Издательство АСТ»,
2016
© Л.А. Рубальская, 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «СВЕТ В ТВОЕМ ОКНЕ»

Начну с того, что во время каждого моего интервью, журналисты задают непременно один и тот же вопрос — Как вы начали писать песни? Первое время я отвечала честно и подробно, потом мне этот вопрос надоел и я стала понемножку привирать для интересности. В конце концов, соглашаясь на интервью, я стала предупреждать журналистов, чтобы этот вопрос мне больше не задавали. А вот сейчас я подумала — а что это я вредная такая? Ведь, наверно, действительно многие хотят тоже начать писать песни и им интересно узнать — как же так сделать, чтоб у них вышло так же, как у меня?

Ну что ж, попробую изложить свой опыт и историю успеха. Тут мне хочется начать

притворяться, что, мол, никакого особенного успеха, в общем-то, нет. Но, пожалуй, не стоит лукавить. Дай бог всем, кто хочет заниматься этим делом, чтоб они получили такой же результат, как я. Скажу сразу — это очень непросто. Для начала надо шагнуть на дорожку, по которой когда-то начала топтать я, и прошагать по ней со всеми остановками. Преодолеть все препятствия. Предупреждаю — дело не только в способности писать в рифму и складывать слова в строчки. Моя удача — результат характера и поведения. Есть и заповеди — не обижаться, если кому-то не нравится написанное вами, ни с кем не выяснять отношения, никому не завидовать. И в последнюю очередь думать о коммерческой выгоде. Это все придет потом, когда дело пойдет так, как надо.

Что это я, как училка школьная, вздумала всех учить? У каждого свой опыт. Лучше начну издали. Не учебник же это, в конце концов.

Калейдоскоп моих воспоминаний начинается с Пионерского лагеря. Переход из

возраста юной пионерки в возраст любви. Это так лет в 12–13 в мое время было. Отпев по полной программе «Взвейтесь кострами? синие ночи» я вдруг почувствовала в сердце какую-то недосказанность и недочувствованность. Где-то вдалеке, в другом пионерском лагере, мальчик светленький, невысокий, наверно, вечерами на танцы ходит. И танцует там совсем не со мной. И вдруг, само собой, вырвалось из моей пионерским галстуком украшенной груди, горькое:

«Ах, если б знали, как его люблю я,
О том, как я страдаю и тоскую.
Как без него я день и ночь скучаю,
И перед школой я его встречаю...»

И в каждом куплете страсти накалялись, и, завершая это «сочинение» я сама уже рыдала о своей неразделенной любви. Слова эти нехитрые не просто так вырвались из души, а точненько легли на мотив очень популярного тогда «Албанского танго». Почему Албанского именно — никто толком не знал, но слова там, в подлиннике, были жар-

кие: «Вдали погас последний луч заката...» И вот так, соблюдая размерчик, смастерила я свою песенку про удаленного из моей жизни на время летних каникул светленького мальчика. И уже на прощальном костре весь наш лагерь дружным хором пел «Ах если б знали, как его люблю я...». Это был успех!

А потом лето кончилось, и седьмой класс навалился со своей противной алгеброй, геометрией, Физикой, химией,. А мое пылкое сердце не хотело понимать ни про катеты, ни про правила буравчика. И всякие химические законы и математические уравнения отлетали от моей непонятливой башки, как от стенки горох. Не было им там места, потому, что все ячейки моего юного сознания были до отказа переполнены словами любви, печали и нежности ко всем светленьким мальчикам на свете:

«Было мне тогда двенадцать лет всего,
Я случайно посмотрела на него.
Он всех затмил,
Меня он покори́л,
Но только вот меня он не любил...»

Я специально не редактирую этот бред детского воспаленного воображения. А сейчас я вдруг подумала, что сегодня такие малограмотные, одноклеточные песенки, как раз в моде. Хоть «звездам» раздавай.

По школе пошла молва — Слышали, Рубала-то (Рубала — это я), песенки сочиняет. И все стали слова мои по тетрадочкам записывать и на популярные мотивчики распевать. А мотивчиков этих — пожалуйста, полным-полно.

Как раз пластинки тогда стали выпускать — серия «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады». Вот я и озвучила своими словами все эти мелодии и ритмы, и получилось это, видимо, неплохо, потому, что вся школа эти песни распевала.

Мой братик младший, Валерка, хорошо играл на аккордеоне. И слух у него был замечательный, не то, что у меня. Вот он однажды говорит — А что ты, Лариска, все слова на чужую музыку пишешь? Давай, свою сочиним! И заиграл красивую-красивую мелодию. А я сразу слова придумала:

«Тихо, уснули окраины,
Молча дворы грустят.
Звезды глядят печально,
Плохо мне без тебя.»

И вот уже весь наш утопающий в золотых шарах и мальвах московский старый двор, под аккомпанемент Валеркиного аккордеона, тихим летним вечерком, песенку эту нехитрую распевает:

«Погасли окна все,
Москва уж спит давно,
Пусты троллейбусы,
Лишь дождь стучит в окно...»

И понеслось. Какую мелодию новую услышу — плиз, стишок готов. Получите и пойте на здоровье.

А дальше, уж и не помню, как было. Жизнь взрослая началась — учеба, работа. И песенки писать я перестала. Вернее, я не придавала никакого значения ни тому, что писала, ни тому, что перестала. И так продолжалось много-много лет. Правда, когда на День рождения или на свадьбу к кому-

нибудь шла, складывала в строчки свои поздравления. И, похоже, делала это неплохо.

Теперь, перед тем, как рассказывать о песенных делах дальше, я хочу сделать небольшое отступление. Помните, вначале я рассказала, что в школе меня называли “Рубала”? Ведь в детстве никто друг друга не зовет по имени-отчеству, и даже по имени не всегда. Просто прозвище, и все. И мне мое прозвище очень нравилось, и, даже уже во взрослом возрасте я, знакомясь с кем-либо, так и представлялась: Я — Рубала.

И вот однажды мне посчастливилось с настоящей артисткой познакомиться. Я так себя и назвала. А артистка пригласила меня в театр — она как раз получила роль в новом спектакле и, — пожалуйста на премьеру. Я — УКРА!!! — ждала этого счастливого дня, брови перед зеркалом выщипывала, на бигуди накручивалась. Пришла в театр, в окошко администратора всунулась и гордо произнесла — Пожалуйста, билетик. Фамилия — Рубальская. Администратор смотрит-смотрит конверты с приглашениями, перебирает-старается. И го-

ворит — Простите, для вас ничего нет. Я чуть не заплакала — вот артистка, обманула, забыла. И пошла печально в обратный путь — к метро. Слезы все-таки полились, чуть-чуть, правда. Но тушь размазалась и глаза щипало.

У самого метро меня вдруг осенило как будто, и я — обратно, в театр, к администратору — Посмотрите пожалуйста, а на Рубала нет билета? Администратор посмотрела — На Рубала есть. Вот, пожалуйста, ложа, первый ряд!!! Так что артистка не обманула. И спектакль был замечательный. А «Рубала» звучит симпатично, правда? И к комплекции моей вполне подходит.

Поехали дальше — насчет песенок. «Мне тридцать лет, а я не замужем» — это так и было. Потом нарисовался Давид — врач-стоматолог, и для ускорения получения предложения выйти за него замуж, я и блюда всякие готовлю, и в рифму складываю жизненные ситуации. Так старалась его завлечь. А он и замечает, что я рифмую складно и интересно. Я сопротивляюсь — все так умеют. А он — Нет, все, да не все.

И когда композитор известный в его стоматологическом кресле оказался, Давид, используя свое служебное положение, сказал ему, что жена, то есть я, хорошо песни пишет. Вежливому пациенту возражать было неловко, и он сказал — Ну что ж, принесите. Я посмотрю.

Воодушевленный муж с работы пришел, и грозно приказал мне срочно написать стихи для песни. Я говорю — Не знаю, как песни настоящие пишутся. А Давид — Ах, ты не знаешь? Что ж, беги в книжный магазин, купи песенник, посмотри, как другие люди пишут. А не напишешь, учти, голову оторву. А он такой, что вполне мог и правда голову оторвать. Ну я и побежала в книжный. И поучилась. И постаралась. И написала. Стихи мои были композитору предъявлены, и получили похвальный отзыв. И была сочинена им прелестная мелодия. И замечательная певица спела. Так появилась моя первая настоящая песня. «Воспоминанье». С легкой руки Давида, Владимира Мигули и Валентины Толкуновой.

И понеслось... Все-таки сладкое это слово — СЛАВА!. Тогда мне казалось, что, после того, как песня прозвучала и мою фамилию по телевизору произнесли, все смотрят на меня. Сейчас, когда, и правда, посматривают, я это совершенно, как говорится, «не беру в голову». А тогда...

Ну и заболела я этой самой «Звездной болезнью». В том смысле, что мне хотелось постоянно слышать такую манкую фразу «песня на стихи Ларисы Рубальской». И стала я писать-строчить куплеты и припевы. Наверно, кто-то на небесах узнал о моих стараньях, и постепенно в доме у нас стали появляться музыканты и композиторы. Срочно было куплено коричневое пианино и каждый вечер кто-нибудь талантливый, колдуя над клавишами, озвучивал мои нехитрые строчки. И получались песни.

Сейчас балом правят какие-то новые правила. Быть или не быть песне, решают продюсеры, аранжировщики, и, в последнюю очередь, уже тот, кому предстоит дать песне жизнь — артист. А тогда, под рюмочку, или

за чашечкой, рождались песни, которые и сейчас, спустя столько лет, живут, любимы. Расскажу о некоторых из них.

Историю рождения романа «Напрасные слова» я уже не раз рассказывала. Случайный щелчок в сознании. В таком неподходящем для вдохновения месте — в коровнике, во время экскурсии с японской делегацией в какой-то показательный колхоз. Пахло тем, чем обычно пахнет в коровниках. Правда, этот был показательным. Но это ничего не меняло. И вдруг — «Плесните колдовства в хрустальный мрак бокала» — откуда? Почему? И «Виньетка ложной сути», после которой мою фамилию запомнили из-за того, что песня, вместе с фамилией, без конца звучала по радио и телевидению. Особенно я удивилась, когда известный ведущий одной телепрограммы сказал однажды, что слышал удивительный романс, и был уверен, что автор слов еще веке в девятнадцатом умер. Но оказалось, что жив, и, к тому же, еще не очень стар. И четко произнес имя автора — Лариса Рубальская. Романс «Напрасные слова»

благополучно перешагнул из двадцатого в двадцать первый век. До сих пор он любим и его поют и старые , и новые звезды. Я благодарна небесам за это случайное озарение.

Я пишу стихи только в Москве. Вот такое я странное устройство. Редко-редко бывают исключения. Так и на этот раз.

Я уже несколько лет проработала переводчицей японского языка, и щебетала на нем довольно хорошо. И, конечно, мечтала оказаться в Японии. А в те годы такой мечте осуществиться было весьма непросто. Кто помнит семидесятые годы, знает, что существовали выездные комиссии, на которых тем, кто предполагает поехать за границу — переводчиком ли, туристом ли, — задавали различные вопросы на эрудицию и благонадежность. И я, конечно, пыталась свое счастье, но на вопрос типа «как звали первого монгольского космонавта» ответить не могла. И моя поездка каждый раз отменялась.

Но однажды моя мечта все-таки сбылась, и я была назначена переводчицей для

поездки в Японию с оперной труппой Большого театра. И пазл сложился — самолет, пароход, и — УРРРА! — Я в Токио!!!

Артисты разместились в отеле, ушли отдыхать. А я свободна на целых два часа. И, конечно — бродить, дышать воздухом, настоящим на аромате каких-то неизвестных дивных цветов, растущих около отеля, и, главное, слушать звуки любимого японского языка . И, конечно, витрины разглядывать. Но вместо этого, вдруг, какой-то туман в голове, видение, и, неожиданно, слова:

«Желтых огней горсть
В ночь кем-то брошена.
Я твой ночной гость,
Гость твой непрощеный...»

И сразу припев —

«Странная женщина, странная»,
Схожая с птицею раненой...»

И я понимаю, что случилось чудо — Песня. Пока без музыки, но очень пронзительная и чудесная.